

Лепка пельменей закончилась, оставив в распоряжении бойцов два часа свободного времени.

Шэн Синъюань решил прилечь в казарме и немного перевести дух. Впереди ждал праздничный ужин и новогодний концерт — без хорошей передышки выдержать такую бурную ночь будет непросто.

— Командир! — окликнул его сзади Хань Жуй.

— А? — Шэн Синъюань обернулся, замерев у самых дверей казармы. — Что стряслось?

— Тут такое дело... — Хань Жуй замялся — редкое для него зрелище. Заглянув в комнату, где вовсю гомонили и смеялись призывники, он бесцеремонно увлёк Синъюаня за собой в коридор, подальше от чужих глаз.

— И к чему такая таинственность? — усмехнулся Синъюань, послушно следуя за ним.

— Твоя губная гармошка... она при тебе? — вполголоса спросил Хань Жуй.

— При мне.

— Слушай... Поможешь мне отрепетировать один номер? — Щёки Хань Жуя тронул лёгкий румянец. Просить о помощи он явно не умел и чувствовал себя не в своей тарелке.

— Отрепетировать номер? — изумился Синъюань.

— Да тише ты! — зашипел Хань Жуй, воровато оглянувшись на дверь казармы. Убедившись, что до них никому нет дела, он сердито зыркнул на командира.

— Ладно, виноват, — примирительно улыбнулся Синъюань. — Так что за выступление ты задумал?

— Меньше вопросов. Бери гармошку и дуй к роще. Там и попробуем, идёт?

Видя, как тот смущается, Синъюань решил больше его не подначивать и кивнул:

— Договорились.

— Иди первый. А я сейчас кое-что раздобуду и догоню тебя, — заговорщицки прошептал Хань Жуй.

Синьюань сгорал от любопытства. Вернувшись в казарму, он забрал губную гармошку и уже через пять минут неспешной ходьбы оказался на окраине небольшой рощицы, раскинувшейся неподалёку от расположения роты новобранцев.

Рощицей это место можно было назвать лишь с натяжкой — от силы с полфутбольного поля. С одной стороны к деревьям примыкал плац, с другой — поблёскивала сонная гладь небольшого пруда.

Стояла зима. И хотя здесь, на юго-западе Китая, суровых морозов не бывало, у пруда всё равно никто не гулял. Синьюань подышал на ладони, потёр их друг о друга и стал терпеливо ждать.

— Командир? — из-за деревьев бесшумно вырос Хань Жуй. За спиной у него покачивался какой-то громоздкий чехол, а сам он настороженно озирался по сторонам.

Синьюань обернулся и не смог сдержать улыбки.

— Гитара? И ради этого ты крался сюда как шпион?

— Да не прятался я, — Хань Жуй выпрямился, смущённо передёрнув плечами. — Просто не хотелось светиться перед парнями. Засмеют ведь.

— Ну-ка, дай взглянуть. — Синьюань принял инструмент и уверенным, привычным движением пальцев взял сочный, чистый аккорд.

Хань Жуй удивлённо вскинул брови:

— Командир, а есть вообще хоть что-то, чего ты не умеешь?

Синьюань с самым серьёзным видом кивнул:

— Полно таких вещей.

— Например?

— Например, рожать не умею.

— Ха-ха! — Хань Жуй покатился со смеху. На его бледных щеках выступил здоровый румянец. Обычно сурово сжатые губы теперь растянулись в широкой, искренней улыбке, в которой сквозила истинно мальчишеская удаль.

— Вот так и улыбайся почаще, — Синьюань ободряюще похлопал его по плечу. В его взгляде

промелькнула тёплая, почти братская нежность.

— А? — Хань Жуй, едва сдерживая смешинки и утирая выступившие слёзы, растерялся под этим мягким, понимающим взглядом.

— Тебе ведь совсем немного лет. В твоём возрасте нужно радоваться жизни, а не ходить смурной тучей.

Хань Жуй на мгновение замолк, словно задумавшись о чём-то своём, но быстро стряхнул наваждение и снова улыбнулся:

— Командир, как думаешь, какую песню лучше выбрать?

— С чего это вдруг тебя потянуло на сцену? — с улыбкой поинтересовался Синъюань.

— Помнишь, когда нас стригли, политический инструктор ко мне пристал? — Хань Жуй недовольно поморщился, вспоминая тот разговор. — Потом он выловил меня в коридоре и спросил снова. Деваться было некуда, пришлось соглашаться.

— Ну ты даёшь! — покачал головой Синъюань. — А инструмент-то где раздобыл?

— В канцелярии роты. У командира третьего взвода одолжил.

Синъюань прикинул в уме. Кажется, он и правда как-то видел взводного, бренчащего на гитаре в часы досуга.

— Так что спеть-то, а, командир? — Хань Жуй примостился на поваленном стволе, настраивая инструмент. — Может, что-то армейское, вроде «Зелёных цветов»? Или старую добрую «Школьную пору»?

Синъюань хмыкнул:

— Ну да, давай ещё какую-нибудь тоскливую балладу затяни!

— А что не так? — не понял Хань Жуй.

— Праздник на дворе, Новый год! А ты собрался петь про тоску по дому или несчастную любовь. Хочешь, чтобы вся рота навзрыд расплакалась?

— Да я просто выбрал то, что полегче, — смутился парень.

— Нужно что-то бодрое, ритмичное.

— Из серии «Эх, полна, полна коробушка»? — поддразнил его Хань Жуй.

— Если душа просит — почему бы и нет, — Синъюань уселся рядом, скрестив ноги на сухой траве.

Хань Жуй мысленно отмахнулся от этой затеи. Петть такую древность перед сослуживцами точно не стоило.

— Слушай, командир, а я ведь ни разу не слышал, как ты играешь, — Хань Жуй задумчиво перебирал струны, искоса поглядывая на товарища.

— Хочешь послушать?

— Ага.

— Ишь ты, какой шустрый. Прямо так взял и сыграл по первому требованию? — притворно заважничал Синъюань.

— Ой, больно надо! Думаешь, я упрашивать буду? — Хань Жуй в долгу не остался. С вызовом вскинув подбородок, он с силой ударил по струнам и запел сам.

Синъюань тихо рассмеялся. Он достал из кармана губную гармошку, бережно обтёр её рукавом и подхватил нехитрый мотив, искусно вплетая её переливчатый голос в перебор гитарных струн.

— Не думал, что тебе по душе старые песни, — заметил Синъюань, когда над прудом затихли последние аккорды «Катюши». В его глазах плясали тёплые искорки.

— Да не то чтобы по душе, просто... — Хань Жуй осёкся, будто натолкнувшись на невидимую преграду, и поспешно замолчал, пряча взгляд.

Синъюань сделал вид, будто ничего не заметил.

— Ну так что? Будешь петь её на концерте?

— Нет, не то, — покачал головой Хань Жуй.

— Хм... — Синъюань задумчиво потёр подбородок. — А если забабахать что-то молодёжное, драйвовое?

— Молодёжное? Это какое, например? — нахмурился парень.

— Сам-то ты что обычно слушаешь?

— Ну... Помимо старых советских песен — рок.

— Рок — это же круто! — глаза Синъюаня азартно блеснули. — Уверен, все рты пораскрывают.

— Рок-н-ролл в казарме?.. — засомневался Хань Жуй. — Не слишком ли вызывающе?

— Эх ты, зашоренный человек! — со смехом покачал головой Синъюань. — В армии полно скрытых талантов. Думаешь, ты один тут такой бунтарь неформальный?

— Рок — это не бунтарство! И уж точно не упадничество! — тут же вскинулся Хань Жуй.

— Знаю, знаю, горячая твоя голова, — беззлобно усмехнулся Синъюань. — Ладно, давай попробуем. Запевай!

Праздничный ужин удался на славу. Собственные пельмени, слепленные вручную, казались в сто раз вкуснее обычных, что заметно подняло всем настроение.

Правда, вид у них был самый разнообразный: попадались и ладные, пузатые крепыши, и разварившиеся «утопленники», превратившиеся в кашу. Чьих рук это были творения... ну, виновники предпочитали скромно отмалчиваться.

Так или иначе, старый командир отделения Лао Ма без лишних сантиментов вывалил на общие блюда всё, что сварилось, — и уцелевшее, и разваренное.

— Держи, Хань Жуй! Твой эксклюзивный заказ! — Лянь Чжиги бесцеремонно придвинул к парню тарелку с самыми бесформенными кусками теста.

Хань Жуй лишь приподнял бровь и смерил его холодным взглядом. Не проронив ни слова, он подцепил развалившееся тесто, макнул в тёмный уксус и невозмутимо отправил в рот.

— Нечего на парня наседать. Делим и радости, и тяготы службы поровну, — Синъюань тоже подцепил пару бесформенных лоскутов теста и съел их с самым безмятежным выражением лица.

В новогоднюю ночь строгий уставной запрет на разговоры за едой отменили, и столовая гудела

как улей.

— Командир, ты вечно его выгораживаешь! — не унимался Лянь Чжигу.

— Вот как? — Синъюань насмешливо прищурился. — Я его защищаю, спору нет. Но разве тебя я когда-то обделял вниманием или обижал?

Лянь Чжигу озадаченно почесал затылок. Если подумать, командир отделения всегда судил по совести.

— Слышь, Чжигу! — покатылся со смеху Юй Вэй. — Ты, видать, на казённых харчах совсем разленился? Захотелось, чтоб тебе хвост прижали ради профилактики?

— Да ну тебя! — Лянь Чжигу шутливо пихнул его в бок, заставляя замолчать.

— Чжигу! Если заскучал — только свистни, мы тебе быстро устроим полосу препятствий! — крикнул кто-то из соседнего отделения.

— Во-во! Я хоть парень и скромный, но пару приёмов на тебе с радостью покажу! — подхватил Ян Сяоху.

— С твоими-то цыплячьими костями против меня переть? — Лянь Чжигу шутливо насупился и, сцапав Сяоху за шиворот, приподнял со стула. — Ну что, пойдём выйдем, разомнёмся перед праздником?

— Не надо, пощади!.. — Сяоху мгновенно растерял весь свой воинственный пыл. — У меня вообще-то выступление сегодня! Дай хоть поесть напоследок, а?

— То-то же, слабак, — фыркнул Чжигу, бережно опуская парня обратно на место.

— Командир, а ты сам сегодня выступаешь? — спросил Юй Вэй, уплетая пельмени.

— Я? — Синъюань покачал головой. Он подложил по сочной котлете в тарелки Хань Жуя и молчаливого Чжан Шуая. — Нет у меня никаких номеров.

— Да ладно? А я видел, как Хань Жуй с гитарой крался, — ухмыльнулся Юй Вэй, прикусив зубами край палочки для еды. — Кто бы мог подумать, что наш тихоня — музыкант!

— Сам удивился, — тепло улыбнулся Синъюань. — Наш Жуй ещё всех нас поразит.

— Да ладно вам хвалить, сначала послушать надо! — ревниво буркнул Ян Сяоху.

— Скоро услышишь, — примирительно сказал Синъюань. — К тому же ты читаешь частушки-скороговорки под трещотку, а он поёт под гитару. Разве это можно сравнивать?

— Ну... в общем-то да, — согласился Сяоху, почесав макушку.

— Сяоху, не бойсь! — подал голос Чжан Шуай, у которого щёки были набиты едой так, что он едва ворочал языком. — Я за тебя так хлопать буду — ладони отдавлю!

— Вот это я понимаю — настоящий друг! — просиял Сяоху и в благодарность положил приятелю два самых жирных куска тушёной свинины. — Налегай, Чжан Шуай!

— Спасибо, друг, но в меня уже не лезет... — взмолился тот, отмахиваясь руками.

— Ешь-ешь, не стесняйся! — Сяоху так широко улыбался, что зажмурились глаза. Он повернулся к остальным ребятам: — Парни, вы тоже меня поддержите. Даёшь самые громкие аплодисменты в зале!

За столом дружно рассмеялись. Синъюань мельком глянул на Хань Жую — тот сидел спокойный и расслабленный. Сердце командира отлегло.

— Может, мне тоже подговорить ребят поголосить в твою поддержку? — негромко шепнул он Хань Жую.

Тот гордо вскинул голову:

— Настоящему таланту дешёвая поддержка не нужна. Наш выбор — чистый профессионализм!

Наконец настал долгожданный час новогоднего концерта.

Командир роты и политический инструктор лично вызвались разогреть публику. Они дуэтом исполнили классическую арию из революционной оперы «Шацзябан». Инструктор умудрился спеть за двух персонажей сразу, сорвав шквал оваций.

Следом свои таланты продемонстрировали взводные. Командир второго взвода выдал такой яростный брейк-данс, что у новобранцев челюсти поотвисали, а восторженные крики едва не обрушили потолок зала. Синъюань, аплодируя вместе со всеми, заговорщицки подмигнул Хань Жую, безмолвно призывая того выложиться на полную и устроить настоящее шоу.

Хань Жуй едва заметно кивнул в ответ. Последние сомнения отступили.

Во время их дневной репетиции в роще Хань Жуй поразился тому, насколько чутко Синъюань улавливал любой его гитарный пассаж. Казалось, какую бы песню он ни затянул, командир знал её наизусть. Но когда Хань Жуй предложил спеть дуэтом, тот лишь покачал губной гармошкой, дав понять, что предпочитает оставаться в тени и обеспечивать надёжный тыл.

Раньше Хань Жуй непременно заподозрил бы в таком поведении подвох. В армии каждый стремился выслужиться, привлечь внимание начальства, чтобы после роты новобранцев получить распределение в элитную часть. Но Синъюань был другим. И Хань Жуй это чувствовал — тот не кривил душой, не пытался казаться благородным. Ему действительно ничего не было нужно.

Взрывы хохота и аплодисментов вокруг уплыли куда-то на задний план. Хань Жуй повернул голову и замер, вглядываясь в профиль командира. В мягком свете праздничных гирлянд резкие, мужественные черты лица Синъюаня казались непривычно мягкими. Почувствовав на себе пристальный взгляд, тот обернулся и немо вопросительно приподнял бровь.

Смутившись, Хань Жуй поспешно отвернулся к сцене.

Синъюань лишь улыбнулся краешком губ и вновь переключил внимание на концерт.

Объявили выход Ян Сяоху. Бедняга, несмотря на сотни репетиций, затрясся как осиновый лист.

— Командир... — пролепетал он дрожащими губами.

— А ну отставить панику! — Синъюань крепко хлопнул его по плечу. — Мы в тебя верим. Парни, поддержим бойца! — Он первым захлопал в ладоши, и всё первое отделение тут же дружно подхватило почин громким гулом и свистом.

Сяоху набрал полную грудь воздуха и, стараясь шагать как на параде, поднялся на сцену.

Первые строчки его шуточного рассказа под трещотку прозвучали неуверенно, голос предательски срывался. Но встретившись взглядом с подбадривающими его ребятами, он вдруг поймал кураж. Страх улетучился без следа. К концу номера он уже вовсю сыпал прибаутками, весело жестикулировал и буквально светился от гордости!

— Любо! — в один голос гаркнули Синъюань и Лянь Чжигу.

Почувствовав мощный прилив сил, Сяоху лихо выдал финальный аккорд и закончил выступление на пике оваций.

— Отличная работа, боец! — расплылся в улыбке политический инструктор.

Сяоху спускался в зал, словно летел на крыльях.

А следующим по программе шёл Хань Жуй.

Забрав у командира третьего взвода гитару, он мысленно собрался и твёрдой походкой направился к микрофону.

Синъюань выудил из кармана гармошку. На сцену он подниматься не стал — просто устроился прямо у её подножия, скрестив ноги, готовый вступить в нужный момент.

Воротник гимнастёрки Хань Жуя был небрежно расстёгнут, рукава закатаны по локоть. Зрители затаили дыхание в ожидании первых аккордов, но парень не спешил. Медленно, с каменным лицом он достал из кармана широкую алую ленту и плотно повязал её себе на глаза.

По залу прокатился удивлённый шёпот. Никто не понимал, что за перформанс намечается.

Кто-то из тех, кто был в курсе, зычно крикнул:

— Давай, maestro, не томи! Жги, как старик Цуй Цзянь!

Хань Жуй едва заметно улыбнулся уголком губ. Он поудобнее перехватил гриф, его пальцы уверенно скользнули по струнам, и зал наполнился хриловатым, глубоким голосом:

— В тот день ты повязала мне алую ленту, закрыв мои глаза и затмив небосвод... Ты спросила, что я вижу вокруг. Я ответил, что вижу счастье...

Его голос звучал с хриплым надрывом, наполняя притихшее помещение странной, берущей за душу тоской. Все сидели не шелохнувшись.

Незамысловатый гитарный перебор и этот проникновенный вокал заставили каждого погрузиться в собственные мысли и унести далеко за пределы казармы.

Когда первый куплет отзвучал, Синъюань безупречно поймал момент и вступил со своей губной гармошкой. Хань Жуй спустился со сцены и сел прямо на дощатый пол рядом с ним, продолжая перебирать струны.

— Я чувствую: ты не из стали, но крепостью ей не уступишь... — Хань Жуй повернулся лицом к Синъюаню, в его голосе проскользнули лукавые нотки. — Я чувствую жар твоей крови, ведь руки твои горячи...

Синъюань шутливо прищурился, свободной рукой чувствительно уцепил его за плечо и

громко крикнул в зал:

— Ну как, горячо?!

Зал дружно взревел:

— Горячо!!!

Стоило песне закончиться, как помещение буквально взорвалось от аплодисментов. Бойцы хлопали не жалея ладоней.

— Ещё! Ещё давай! — несло со всех сторон.

Хань Жуй сорвал повязку с глаз, внезапно растерявшись под натиском столь бурного восторга.

— На бис! Давай ещё одну! — громче всех орал Синъюань, всю веселясь.

Хань Жуй бросил на него убийственный взгляд, безмолвно обвиняя в предательстве, но деваться было некуда. Поддавшись общему порыву, он резко вскочил и, словно из упрямства, рванул обратно на сцену.

— Раз! Два! Три! Четыре! — гаркнул он в микрофон.

Синъюань по одному этому выкрику понял — парень решил дать жару. Догадываясь, какую вещь тот задумал исполнить, он без лишних подсказок поднёс гармошку к губам и выдал бодрый, забойный ритм.

Хань Жуй вскинул руку вверх и запел, чеканя каждое слово:

— Слыхали мы все про поход в тыщи вёрст, да только не видели сами! Легко рассуждать, да не просто пройти этот путь своими ногами! Так стисни же зубы и топай вперёд, ищи свою долю и славу!..

Мотив был простым и невероятно заразительным. Уже через пару секунд половина роты во всю глотку подпевала солисту.

Хань Жуй дирижировал залом, выкрикивая армейский счёт:

— Раз! Два! Три! Четыре!

Эту строевую кричалку новобранцы отрабатывали на плацу ежедневно, поэтому слаженный ответ сотен глоток едва не снёс крышу казармы. Синъюань продолжал играть на гармошке, не отводя взгляда от стоявшего на сцене парня. С поднятой головой, уверенным, властным жестом управляющий толпой, Хань Жуй сейчас казался настоящим полководцем, за которым люди готовы идти в огонь и воду. От этого зрелища захватывало дух.

Синъюань на секунду залюбовался им и сбился с темпа. Заметив недовольный прищур поющего Хань Жуй, он тут же встрепенулся и выровнял мелодию.

— Каким надо быть и что совершить, чтоб остаться верным себе? О чём говорить и как нужно петь, чтоб выстоять в этой борьбе?..

Пропевая эти строки, Хань Жуй пристально, не мигая, смотрел прямо в глаза Синъюаню. И в глубине этого взгляда на мгновение мелькнула застарелая, глухая боль.

У Синъюаня щемяще сжалось сердце. Он вдруг отчётливо понял: за всей этой напускной резкостью и гордостью Хань Жуй по-прежнему оставался тем самым растерянным, одиноким мальчишкой, которого он встретил в первый день службы.

<http://bllate.org/book/18240/1756745>